

ИСТОРИЯ

УДК 930.1

М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова

Р. Ю. Виппер и психологические аспекты исторического познания

Рассматривается одно из направлений перманентных поисков Р. Ю. Виппером нового теоретико-методологического дискурса исторической науки – психологических основ творческой лаборатории историка-исследователя.

Ключевые слова: специфика исторического познания, мыслительная деятельность историка, границы познавательных возможностей истории, эмпириокритицизм, субъективные психологические начала, «объективированные моменты психики».

M. V. Novikov, T. B. Perfilova

R. Ju. Vipper and Psychological Aspects of Historical Knowledge

One of the directions of R. Ju. Vipper's permanent searches of a new theoretical-methodological discourse of a historical science – creative laboratory psychological bases of the historian-researcher is considered.

Keywords: specificity of historical knowledge, cognitive activity of the historian, borders of informative possibilities of History, empiriocriticism, subjective psychological beginnings, “objectified moments of state of mind”.

Творческое наследие выдающегося отечественного историка Роберта Юрьевича Виппера (1859–1954) не раз становилось предметом исследования как зарубежных, так и российских авторов [1]. В наших публикациях также были предприняты попытки определения вклада Р. Ю. Виппера в развитие теоретико-методологических основ исторической науки и исторического образования [2]. Данная статья посвящена еще одному аспекту его наследия – изучению психологических основ творческой лаборатории историка.

Уже в начале своей научной деятельности Р. Ю. Виппер начал интересоваться психологическими основами организации труда историка, что впоследствии позволило ему связать вопросы гносеологии исторического познания с психологией исторического творчества. Наиболее интересные, на наш взгляд, выводы и суждения были сделаны Р. Ю. Виппером в этой области в первые десятилетия XX в., когда он по-прежнему с увлечением занимался разработкой тех методологических проблем, которые вскользь затрагивал в своих многочисленных публикациях в предшествующий период: прогресс и регресс в истории, закономерности и случайности, взаимодействие человека и исторической среды. Однако теперь

он начал связывать их рассмотрение с решением новых задач: выяснение границ познавательных возможностей истории и изучение специфики научной деятельности историка, взяв в качестве методологических ориентиров в своих исследованиях идеи эмпириокритицизма Р. Авенариуса и Э. Маха.

Основоположники эмпириокритицизма, Р. Авенариус и Э. Мах, продолжая традицию очищения знания от метафизики, не противопоставляли обществознанию природоведению, пытались преодолеть ограниченность материализма и идеализма. Э. Мах считал единственной функцией науки описание: «Описание есть построение фактов в мыслях... Наша мысль составляет для нас почти полное возмещение факта». Он утверждал, что всякое научное знание является эмпирическим; научные теории и идеи в его представлении – это особым способом организованная эмпирия, логическое обобщение фактов [3]. Р. Авенариус в своих исследованиях делал акцент на «живом созерцании», которое противопоставлял рациональным началам. Познание и опыт он приписывал к предметной области психологии.

Провозглашая основными идеями своей доктрины эмпиризм и относительность, Р. Авенариус и Э. Мах апеллировали в своих выводах к процессу организации научной деятельности в физико-математических науках. Но, призывая освободиться от догматизма в точных науках, они дали толчок к появлению релятивистских настроений и в исторической науке, где под влиянием кризиса «фундаментальной» теории прогресса, расширения горизонтов общественности в связи с накоплением этнографического материала и по другим причинам росло недоверие к умозрительным выводам, авторы которых пытались «вместить» в них реальный ход истории.

Р. Ю. Виппер с удовлетворением воспринял эмпириокритицизм как идеологическую установку для проведения ревизии в теории исторического познания и методах исследовательской деятельности историка. Он называл эмпириокритицизм «теоретико-познавательным критицизмом» – новым критическим направлением в философии, которому, по его мнению, было суждено вызвать появление нового направления и в области исторической мысли [4].

Р. Ю. Виппер мотивировал свой выбор «нового критицизма» несовершенством всех предшествовавших ему теорий исторической науки, которые зарождались по мере изменения «социально-политических судеб культурного общества», становясь одновременно проекцией общесоциологических движений [5]. Развивая эту мысль, он кратко прослеживает наиболее важные этапы эволюции философской и исторической мысли на протяжении XVIII–XIX вв.

С середины XVIII в. историческая наука формировалась в лоне «философии истории» – той общей системы воззрений, которая положила начало всемирно-исторической концепции развития человечества, получившей свое наиболее яркое воплощение в трудах Гегеля. Идея философии истории, обоснованная в сочинениях этого мыслителя, заключалась в том, что человечество как органическое целое развивалось по одному закону и направлялось к одной цели: совершенствованию личности, выработке свободы, развитию гуманности. «Исторические народы», в определенной последовательности вступавшие на мировую арену истории, вместе накапливали общую сокровищницу культуры, тем самым обеспечивая прогрессивное поступательное движение истории. При этом история отдельного народа представлялась не самостоятельным кругом явлений, а лишь необходимой промежуточ-

ной ступенью для того, чтобы гений человечества, или, в гегелевском олицетворении, – «абсолютный дух», мог подняться на новую ступень и следовать дальше в силу predeterminedного плана. Только народы, которые «делали историю», то есть подходили под распланированную систему осуществления прогресса, принимались историками в среду «человечества», вследствие чего появилось деление народов на «исторические» и «неисторические». К избранным, «историческим» народам были отнесены древние жители Средиземноморья, греки и римляне, которые «жили не столько для себя, сколько для того, чтобы совершить... культурные завоевания для будущего» [6], проявившиеся в эпоху Средних веков и Возрождения.

Всякий факт всемирной истории считался подготовительной ступенью, необходимым средством для достижения того результата, в котором философия истории видела главное предназначение всей эпохи. Люди прошлого тоже будто бы руководствовались этими ориентирами и оценкой, приспособлявая к ним свои поступки и мысли.

Телеологичность исторического процесса, признаваемая сторонниками Гегеля, не допускала никаких потерь. В самой тяжелой поре, в «самых удручающих сцеплениях» пытались найти важное приобретение для будущего: период умственного упадка открывал прогресс в области государственного управления, гибель народа уравновешивалась торжеством принципа – неотвратимостью наступления следующего по порядку момента культурного успеха.

Объяснение хода исторических событий как сплошной цепи действий, направленных к достижению отдаленных целей общечеловеческого развития, привело к тому, что хронологическую последовательность стали воспринимать и как логическую: в порядке смены явлений усматривали их смысл, в замене одного «исторического» народа другим отыскивали проявление нового принципа общечеловеческого развития.

Сторонники всемирно-исторической концепции выработали тяжеловесную, торжественную оценку исторических событий, культурных изменений, деятельности выдающихся лиц: в русле этой концепции факты повседневного существования приобретали всемирно-историческое значение. Философско-исторические построения, претендующие на универсальность, были лишены причинной связи, закономерности явлений в этой умозрительной схеме были излишни.

Второй период развития исторической науки, по мнению Р. Ю. Виппера, начался в первой четверти XIX в. Европейские ученые, пережившие периоды революций и реакций, неожиданно для себя обнаружили в исторических судьбах народов немало «возвратов, падений, социальных смертей», что пошатнуло в историках веру в непрерывное и неизменное шествие прогресса. Вместо нерасчленного целого (человечества) их стали привлекать составные части этого универсума – отдельные нации и общества, при изучении которых появилась и новая цель: отыскать пути их развития, найти сходства, выявить аналогичные ступени существования, с тем чтобы путем сравнительного изучения понять причины явлений, выявить законы их движения, обнаружить факторы их развития.

Эта цель вызвала к жизни социологическое направление науки, востребованность которого определялась успехами в эволюционной теории естественных наук и популярностью материалистической философии. Социологическое направление, считает Р. Ю. Виппер, дало возможность выделить в историческом процессе действие факторов хозяйственного, культурно-идеологического, политико-правового уровней, классифицировать их и показать их изменения [7].

Но и социологическое направление, более совершенное по сравнению с философией истории, не было свободно от недостатков: неоправданной веры в наличие жестких законов смены и движения исторических новообразований, потребности в «резкой классификации» понятий с «твердыми очертаниями», настойчивого выделения «объективных фактов», дожидавшихся установления между ними связи [8].

Этих недостатков, по убеждению Р. Ю. Виппера, было лишено новое направление историософии, имевшее своими истоками идеи эмпириокритицизма Р. Авенариуса и Э. Маха, – теоретико-познавательный критицизм, который мыслился Р. Ю. Виппером третьим периодом развития исторической мысли, и был вызван к жизни появлением критического направления в философии, успехами в практической психологии, что и позволило обнаружить несовершенство научно-познавательных методов позитивизма, разувериться в достоинствах социологизма.

Основная цель этого нового направления – кристаллизации исторической мысли, замечает Р. Ю. Виппер, заключается в изучении способа образования исторических и социологических кате-

горий с «точки зрения психических условий». Осуществление этой цели предполагает, в свою очередь, выделение тех элементов психики историка, которые определяют его толкование исторических явлений, осуществление комбинаций фактов и их классификацию, влияют на разработку терминологии.

Актуальность новых исследовательских перспектив объясняется Р. Ю. Виппером двояко. С одной стороны, теоретико-познавательный критицизм позволит избавиться от умозрительных выводов, которые ранее трактовались отражением объективной реальности, а на деле представляли собой волонтаристские выкладки историков разных поколений, которые считали позволительным произвольно препарировать факты в своем сознании, а полученные результаты выдавать за воссоздание адекватных картин прошлого. С другой стороны, новый критицизм дает возможность выявить, какие психические механизмы задействованы при организации научных запросов историков, интегрированных в научные сообщества с едиными идеями, традициями и представлениями о будущем науки [9], и, познав их, усовершенствовать методы постижения истории.

«Общее философское настроение в настоящее время становится иным, – замечает Р. Ю. Виппер. – Оно хочет определить, какова во всем нашем знании о мире доля необходимых и неизбежных предрасположений нашей мысли. Оно хочет знать те психические условия, в которых образуются наши представления о реальном мире, в котором происходят установление фактов и классификация их. Оно хочет знать, каков психический смысл наших заключений о взаимной связи явлений реального мира, об их закономерности» [10]. Новая «теория исторического познания» позволит порвать с наследием позитивизма, который не придавал значения «научно мыслящему субъекту», полагая, что его ум служит только для фиксации данных – «чистого отражения внешних фактов».

Историк-позитивист, продолжает рассуждать Р. Ю. Виппер, был склонен отождествлять определения понятий с сущностью явлений. В схемах и классификациях пытался увидеть истинный порядок вещей и их соотношение. В выявленных им повторениях он был готов обнаруживать отражение созданных им же законов движения.

Следовательно, теоретико-познавательный критицизм воспринимался Р. Ю. Виппером самым радикальным средством очищения истории

от сохранивших свою живучесть пережитков метафизики в виде умозрительности суждений и схематизма научных построений. Его критика философии истории и социологизма выглядит в этой связи справедливой и обоснованной. Однако не трудно заметить, что предлагаемая им теория изучения исторического процесса отождествляется с методами исторического познания и растворяется в них, так как весь цикл исследования, начиная с постановки проблемы и заканчивая ее осмыслением, сводится им к психологическим конструктам организации мыслительной деятельности историка: механизмам регулирования мотивации и целеполагания, а также формирования убеждений и умозаключений.

Искренняя убежденность Р. Ю. Виппера в совершенстве познавательных возможностей теоретико-познавательного критицизма позволяет ему приписать этому новому направлению развития историко-философской мысли решение сложнейших методологических задач: «пересмотр установившихся в истории социологии рубрик и терминов, схем и подразделений, приемов и методов» [11].

Выделение в качестве первоочередных задач истории создание нового научного фундамента и осуществление кардинальных перемен в технологии исследований может свидетельствовать о заявке Р. Ю. Виппера стать основоположником новой гносеологии истории.

Для того чтобы обосновать неотложность задачи изменения научно-методологической парадигмы истории, Р. Ю. Виппер подробно анализирует традиционную организацию мыслительной деятельности историка, которая с фатальной неизбежностью приводит к искажению прошлого человечества. Деятельность каждого историка начинается с обработки фактов: их выявления, описания, определения сущности, систематизации, установления соотношения между ними. В отличие от обывателя, полагающего, что «факты существуют вне нас в отчетливых очертаниях» [12], Р. Ю. Виппер убежден в том, что исторический факт – это продукт субъективного сознания изучающего его историка (в чем, кстати, явно прослеживается причастность ученого к эмпириокритицистам, утверждавшим принадлежность факта только области сознания, а не объективной реальности).

Группы и ряды фактов представляют собой «умственные разрезы», «умственные опыты» историков, то есть сложную комбинационную и творческую мыслительную деятельность, кото-

рая, в свою очередь, считал Р. Ю. Виппер, определяется «предрасположениями мысли», «представлениями», то есть теми субъективными психологическими началами, которые неизменно присутствуют при изучении предмета истории. В зависимости от «угла зрения» историка факты приобретают способность переставляться, исчезать и появляться вновь. Эти операции, называемые манипуляцией, не воспринимаются историком с предосудительностью, так как он с самого начала их изучения придерживается определенной позиции, соответствующей его убеждениям. Именно поэтому нередко получается, что «факты существуют для одного глаза и отсутствуют для другого» [13], – утверждает Р. Ю. Виппер.

Каждый историк, кроме того, находится в «плену» определенных теоретических установок, кажущихся ему универсальными, научных подходов, современных концепций, традиций научной школы. Эта научная среда, в которой вырос историк, диктует ему «руководящий чертеж», «образец», с которого он обязан «копировать свои картины» [14]. Приступая к работе с «определенным планом действия», историк невольно производит подбор фактов, соответствующих выбранному ориентиру. Он устанавливает значимость фактов, опускает одни и выдвигает на первый план другие, предлагает иерархию фактов, создает связи и сцепления между фактами. «Под влиянием такого плана происходит... создание фактов в уме нашем... Наша работа движется в рамках традиции, готовых схем, которые направляют, регулируют наше дело, но вместе с тем стесняют свободу нашей мысли» [15].

Пытаясь понять природу возникновения заблуждений, предвзятых комбинаций мысли, устойчивых научных суждений, Р. Ю. Виппер называет (кроме уже упомянутых преклонения перед научными авторитетами и традицией, инерционности и тенденциозности мышления) также «объективированные моменты психики» – психологические *idola*, которыми руководствуется исследователь при изучении социальных или политических процессов. К их числу он относит психологический параллелизм и историческое уравнивание, перенося тем самым шаблоны в организации мыслительной деятельности историков исключительно в область психологии.

Прием психологического параллелизма, по Випперу, обязывает исследователя искать психологические аналогии в «явлениях разных рядов», логически не связанных между собой. Это при-

водит к подмене причин и следствий. К примеру, христианизацию Римской империи рассматривают причиной появления колонатных отношений, которые характеризовались положительно, как факт социального прогресса и связывались с «ростом социальной справедливости», по сравнению с предшествовавшими им рабовладельческими отношениями.

Р. Ю. Виппер разоблачает эту распространенную точку зрения, объясняя ее натяжки: колонат не заменил рабовладельческие отношения, а сосуществовал с ними; колонат не мог являться фактом социального прогресса, так как представлял собой новую форму эксплуатации и зависимости для свободного населения от крупных земельных собственников. Общий его вывод сводился к тому, что типичная схема умозаключений, выводящая якобы более мягкий и гуманный строй (по сравнению с языческой эпохой) из утверждавшейся новой, христианской этики, – глубоко ошибочна [16].

Другой прием – исторического уравнивания – используется в исторических трудах для создания эффекта компенсации, сбалансированности фактов негативного порядка прямо противоположными по эмоциональному смыслу явлениями. Так, развитию социальной иерархии сеньората и патроната в раннесредневековой Европе находили противовес в существовании христианской церкви, которую характеризовали как «демократическую структуру», «великую уравнительницу» военно-аристократического феодального государства. При этом, замечает Р. Ю. Виппер, совершенно игнорировался тот факт, что «церковь... воспроизводила и повторяла в своей среде современное ей общество в его экономических и культурных чертах» [17].

Приемы психологического параллелизма и исторического уравнивания Р. Ю. Виппер называет своеобразными «психическими комбинациями», «длительными психическими привычками» историков [18], хотя их можно было бы квалифицировать иначе: ошибками в организации исторического исследования прошлого. Он не был склонен связывать их с «политическими и социальными течениями и воздействием определенных эпох», в то время как детерминированность приводимых им примеров «запросами и установками», то есть популярными теориями и идеологическими концепциями, очевидна.

Р. Ю. Виппер считает, что названные им приемы мыслительной деятельности могут быть иногда полезны историку, если использовать их

как «известные толчки к наблюдению, к классификации, как способность совершать разрезы материала». Вместе с тем, предостерегает он, обращение к этим приемам чревато появлением искажений ошибочного синтеза, так как «мыслительные опыты» историка нередко уведут его от «реального отношения самих вещей» [19].

Проанализировав наиболее типичные ошибки историков, возникающие при изучении фактов и их «сцеплений», при помощи выявленных им «психических комбинаций» параллелизма и уравнивания, Р. Ю. Виппер счел своим долгом рассмотреть и другие ошибки, тоже, по его мнению, психологические, которые появляются на более высокой ступени обобщения исторического материала, при выявлении закономерностей в истории. В этой связи он подробно остановился на освещении проблем «истории событий и состояний», степени организованности и сознательности в социальной эволюции.

Отношение Р. Ю. Виппера к «истории событий» и «истории состояний» имеет для нас важное значение, так как при написании учебников по истории Древнего мира он руководствовался теми своими соображениями на этот счет, которые приобретали все более устойчивые очертания по мере его отказа от позитивизма и приобщения к постулатам эмпириокритицизма.

«История состояний», по Випперу, представляет собой картину, созданную из разрозненных, одновременных или «стянутых» к одновременности явлений: к примеру, «средневековая церковь», «крепостное право». «История событий» создается из фактов, структурированных в их последовательности (например, история первого крестового похода). Основное место среди фактов занимают «великие события» [20].

Р. Ю. Виппер не противопоставлял, в отличие от многих своих коллег, события и состояния, а, напротив, объединял их, доказывая их сосуществование в реальной жизни, так как нет динамики без статики и, наоборот, не существует и законов, отдельно предназначенных для истории социальных состояний и политических действий. Обособленное рассмотрение «истории событий» и «истории состояний» возможно исключительно в научных целях на стадии изучения материала, так как это искусственно созданная ситуация иерархии нерасторжимых фактов исторической действительности. Историк сознательно создает два мысленных разреза нерасчлененных в истории явлений для того, чтобы их лучше изучить, понять их природу, классифицировать. Однако,

заявляет Р. Ю. Виппер, события нельзя противопоставлять состояниям, а состояния – событиям, так как они представляют собой сугубо «результаты двух способов нашего наблюдения» [21], в то время как историки нередко ищут между ними причинную связь, спрашивая, «почему и как такое-то состояние вызвало такое-то событие» [22], забывая при этом, что они пытаются установить причинную связь между результатами двух способов изучения материала.

Следовательно, резюмирует Р. Ю. Виппер, события и состояния, подобно всем другим историческим фактам, являются продуктом сознания историка. Волей историка, то есть его воображением, явления могут быть превращены в цепочку фактов или в плоскость состояний. Обнаружение между ними каузальных отношений – это ошибка, являющаяся следствием обобщающей, абстрактной деятельности историка.

Отношение Р. Ю. Виппера к «истории состояний» и «истории событий» как равнозначным и взаимодополняющим «разрезам истории» не оставалось неизменным. Исследователи его мировоззрения считают, что поворот ученого к более детальному изучению «истории событий», а, следовательно, и постулирование «истории событий» более важным «мысленным разрезом», чем «история состояний», произошел в 1913 г. [23]. Об этом может свидетельствовать второе издание учебника по истории Древней Греции, появившееся в 1916 г. Если раньше, по собственным признаниям Р. Ю. Виппера, он был уверен в превосходстве внутренней истории над внешней, «длительные состояния» считал самым важным моментом в изучении прошлого, сводил крупные факты к действию масс, мало значения придавал личности, то после революционных катастроф и мировой войны у него появилась необходимость «прежде всего знать события, роль личности, сплетение идей» [24].

Выдвижение на первый план «истории событий» заставило Р. Ю. Виппера меньше внимания уделять изучению типичных, повторяющихся, устойчивых состояний в жизни народов. Гораздо больше его начинают привлекать не органичные и медленные изменения в формировавшемся веками укладе жизни, а переломные эпохи, кризисные явления в материальной и духовной сферах, быстрая, скачкообразная ломка давно сложившихся отношений. Феноменальное, единичное, индивидуальное начинают формировать сферу научных интересов Р. Ю. Виппера. Именно в таком контексте мировоззренческой эволюции сле-

дует рассматривать взгляды историка на роль выдающейся личности и переоценку значения места исторических героев.

В 1900 г., когда он впервые приступил к обоснованию необходимости перемен в методологии познания истории, вопрос о влиянии крупной личности на эпоху решался им однозначно: он считал, что «понятие о великих чудотворах», заимствованное из старых религиозных и философских систем, является пережитком сознания исследователей и сохраняется в «исторических схемах» для того, чтобы самым доступным и незатейливым способом объяснить смену важных эпох и повороты в истории [25].

Без тени сомнения он утверждал, что в подобных мифологемах скрывается «привычка отыскивать для сложной действительности одну простую и притом живую олицетворенную причину» [26]. Он был уверен в том, что за творящей личностью скрываются «массовое дело, совокупность идей, поступков, учреждений» времени жизни героя, и он превращается в наиболее характерный продукт эпохи, в выразителя общественных течений, настроений, идей только в восприятии историков под тенденциозным влиянием исторических свидетельств [27]. Р. Ю. Виппер обвиняет авторов источников в создании иллюзорного, превратного отношения к отдельным индивидуумам. Отрывочные указания источников, как правило, выстраиваются вокруг выдающейся персоны, которая и формирует «исторические впечатления» исследователя. Он, в свою очередь, начинает приписывать личности творящее, воздействующее начало, а остальную, обезличенную, неизвестную массу людей превращает в пассивный объект воздействия героя.

Отвергая историю героев, Р. Ю. Виппер приводит объяснения некоторых неизбежных ошибок историков, которые он помещает в область психологии научного познания. Прежде всего, он ссылается на прием интроекции, открытый в школе Р. Авенариуса. Суть его сводится к тому, что группа воспринимаемых историком «моментов» всегда расчленяется на творящие и творимые элементы, на активные и пассивные начала, на материю и дух. «В видимых нам, отрывочно данных актах и моментах мы предполагаем результаты действия некоторой силы и по этим результатам заключаем о невидимом, но необходимо существующем, как нам кажется, факторе» [28]. В свете приема интроекции творящая историю личность воспринимается как активное начало, которое организует элементы, пассивно

ожидающие этого воздействия. Историк, придерживающийся подобных убеждений, дважды эксплуатирует одни и те же свидетельства истории, сам не замечая этого: сначала он приспособливает факты к одной, наиболее выдающейся личности, затем, напротив, элиминирует оригинальные характеристики героя, с тем чтобы «из суммы стертых фигур» получить «среду» приложения его творческой энергии [29].

Второе объяснение искажения истории заключается в том, что историк неосознанно смещает акценты, исключительно доверяя своим чувствам или полагаясь на интуицию. Он принимает за главное вовсе не то, что является таковым, а то, что случайно оказалось в поле его зрения первым, внезапно бросилось ему в глаза на фоне однородных, однопорядковых фактов. Это невольно приводит к смещению перспективы видения целого. «Внимание сосредоточивается на случайной частности, одной из многих одинаковых, из сотен или тысяч, и эта частность воцаряется впоследствии над другими. Мы игнорируем все другие, равные ей, потому что внимание фиксировано на одной точке» [30].

Ошибки в исследованиях могут происходить также из-за произвольных операций историков со свидетельствами иных эпох. У многих историков есть склонность при создании картины прошлого «сокращать и сгущать далекие, удаленные от нас периоды в компактные психические массы; в результате жизнь нескольких поколений... стягивается как бы в одну человеческую жизнь» [31]. Явление «стягивания истории» – аберрации – позволяет длительный процесс, проходивший неорганизованно, спонтанно, в высшей степени хаотично, превращать в логичный, осмысленный, закономерный план действий. Реальная история в сознании ученого превращается в историческую фикцию. Бессмысленной и бесформенной истории нередко придают целесообразный характер, подключив к описываемой эпохе незаурядную личность. Качества и свойства этой личности начинают проецировать на всю эпоху, к которой она принадлежала, не обращая внимания на наличие других личностей с иными личностными параметрами [32].

Склонность исследователей непременно персонализировать историю, сводить все многообразие процессов и явлений к произвольно выбранному символу эпохи, формулировать идеи времени, ссылаясь на взгляды наиболее заметных представителей общества, воспринимается Р. Ю. Виппером как опасное заблуждение, возникаю-

щее под воздействием неизжитых в сознании историков пережитков первобытного сознания. Только тот, кто не порвал с первобытным анимизмом, смело заявляет Р. Ю. Виппер, может повсюду (в предметах, явлениях, группах людей) обнаруживать душу – «внутреннюю сознательную направляющую силу» [33], невидимый двигатель истории, который ведет общество к прогрессу.

Общий вывод Р. Ю. Виппера сводится к тому, что популярная в научной среде теория героев лженаучна, она не выдерживает проверки средствами эмпириокритицизма. Историческое движение не может происходить по воле выдающейся личности или под воздействием скрытых сверхъестественных сил, воплощенных в символе эпохи. Абсолютизация волевого фактора возникает вследствие ошибок историков в организации познавательного процесса.

Работая уже в советской России, Р. Ю. Виппер перестает игнорировать рассмотрение вопроса о роли личности. Он начинает признавать равные права на существование и истории героев, и истории масс. Столь заметные перемены в своих научных взглядах и подходах он объяснял «постоянно обновляемыми точками зрения», «живой, двигающей и организующей силой общественных наук», «новыми впечатлениями, настроениями, запросами» [34]. Однако обратим внимание на то, что даже в самых поздних по времени выхода в свет учебниках (к их числу относятся «Очерки истории Римской империи») инверсии во взглядах ученого на роль личности не наблюдается. Более радикального вывода, чем признания за выдающейся личностью способности приспособляться «к сильным общественным течениям» и к «сложившимся общественным организациям» [35], он сделать не смог. В учебных изданиях отношение Р. Ю. Виппера к проблемам телеологичности (целесообразности исторического процесса) и каузальности (причинности) также не было подвергнуто кардинальной редукции.

В дореволюционный период обе научные категории, телеологичность и каузальность, воспринимались Р. Ю. Виппером как «результат наивного самонаблюдения человека» [36], стремящегося наполнить осмысленностью окружающую его действительность. И телеологизм, и каузальность, утверждал он, «исходят из приложения понятий личной человеческой воли к массовым явлениям» [37].

Обычная схема толкования исторических событий сводится к реализации задуманного кем-то плана, к осуществлению сознательных, волевых, планомерных действий по отношению к стихийно протекающей, неорганизованной действительной истории с целью привести ее в порядок, организовать в упорядоченную систему. Эта искаженная картина истории, претендующая на выражение истинной закономерности развития, – продукт сознания историка, иллюзия правдивости. Роль человека в процессе исторического генезиса на самом деле ничтожна, возможности ограничены, влияние на будущее не ощутимо. Р. Ю. Виппер был уверен в том, что «большинство наших движений и поступков совершается без участия... ясно сознанных мотивов или даже без участия какой бы то ни было сознательной мысли» [38], поэтому он отрицал существование «социально-исторических целесообразностей», считая их бесплодной выдумкой марксистов, а если и допускал мысль о целесообразности, то только в пределах ограниченного отрезка времени и только применительно к конкретным событиям [39].

Психологические истоки телеологичной идеи, по его мнению, заключались в феномене антиципации – склонности человека наделять прошлое предвосхищением современного. Антиципация возникает в процессе рефлексии человека, обобщающего результаты пройденного. В процессе осмысления достигнутых рубежей в сознании человека зарождается иллюзия, перевоплощаемая в убеждение, будто он «переживал предварительно в уме» всю систему своих поэтапных целенаправленных действий, прежде чем она была приведена в исполнение [40].

Позднейшие поколения, прибегая к аналогичному заблуждению, могли приписывать своим предкам инициирование идей, воодушевлявших их на сознательные действия в строго определенном направлении, хотя в реальной жизни шел процесс медленного приспособления социальной системы к среде обитания. Процесс, состоящий из ошибок, возвращений, задержек, случайностей, интенсивных, «острых и тягучих» моментов, позже стал восприниматься «достижением постоянно меняющихся целей» [41].

Телеологичность присуща и организации научного труда историка, когда он, руководствуясь результатами сознательной деятельности одного человека: созданными им политическими программами, экономическими, государственными, религиозными учениями, – отождествляет с ними

характеристики целых социальных групп и приспособляет к идеям личностей движения коллективов. Собирая лишь схожее, однородное «общие полосы» и обходя нетипичное – «несогласные частности», историк вновь преувеличивает степень сознательности участников социальных движений, доказывая изначально присутствующую людям устремленность к ясным целям [42].

В отношении исторической причинности Р. Ю. Виппер полностью следовал за Р. Авенариусом и Э. Махом. Он относил причину исключительно к психической сфере познающего субъекта. Он полагал, что в «новый период научной мысли» не актуально задавать вопрос «почему?»; напротив, следовало недоверчиво относиться к категории причинности, которая «связывает мысль». Он пытался заменить термин «причина» на более нейтральные научные понятия: «условие», «зависимость», в которых, по его мнению, был относительно скрашен «оттенок творчества, духовности, производящей силы» [43]. Таким образом, Р. Ю. Виппер отказывался использовать термин «причина» из-за того, что обнаруживал в нем «скрытую волю, скрытый замысел, которые потом осуществляются в делах, в следствиях» [44].

Р. Ю. Виппер старался не замечать различий между целеполаганием в истории и исторической причинностью: и то, и другое воспринималось им как «скомпонованные» субъективные психологические явления, связанные с намеренным перенесением на объективно происходящие процессы человеческой сознательности, волевой активности, а также обусловленные присвоением истории несвойственного ей творческого начала.

Однако, отрицая причинность, а следовательно, и причинно-следственные связи, Р. Ю. Виппер ставит под сомнение правильность своих прежних убеждений в возможности выявления закономерностей в процессе исторического движения. Пытаясь исправить свои амбивалентные взгляды, он заявляет о признании «правильной смены, правильной повторяемости многих явлений» [45], не подверженных волюнтаристским подходам, а также говорит о наличии «групп постоянных сцеплений, образующих механически повторяющиеся единства» [46].

Целеполагание и причинность в истории Р. Ю. Виппер воспринимает явлениями одного порядка, так как обе эти научные категории присущи не истории, а сознанию историка, его «мысленным разрезам». Р. Ю. Виппер не может очевидный для него хаос исторического процесса вос-

принимать организованным лишь только потому, что его предшественники наделили выдающуюся личность свободой воли и осознанием целей предстоящего общественного развития. Схемы: «план – исполнение, толчок – рациональная реакция на него, притягательная цель и устремление к ней» [47] – были для него неприемлемы, так как причинная связь генетически родственна телеологизму. «Причинность в большей степени облачена в одежды онтологичности лишь по причине «правдоподобного обмана», связанного с хронологическим расщеплением реального исторического явления. Причинность в итоге сводится к длительности, протяженности во времени, более или менее удачно препарированной на причины и результаты, которые на самом деле связаны между собой только исследовательской волей» [48].

Подобные рассуждения позволяли Р. Ю. Випперу усомниться в необходимости изучать причинно-следственные связи. Он провозглашает целью «новой исторической науки», очищенной от остатков метафизики, описание явлений [49], а не их интерпретацию, так как «хорошее меткое описание явления составляет лучшее научное понимание и оценку его» [50].

Выяснение отношения Р. Ю. Виппера к категориям «цель», «причина», «следствие», «закономерность» позволяет нам понять методологические подходы ученого к содержательной стороне его учебных курсов по истории Древнего мира. Но исследователю не удалось полностью отказаться от использования этих понятий. Более того, в самой логике изложения событий и в их оценке он показывает и «воздействие, и влияние, и стремление, и толчок» [51] – те умозрительные начала, укорененные в психологических привычках научной деятельности историка, которые он пытался критиковать в своих «Очерках теории исторического познания». Однако, справедливости ради, заметим, что отличительной особенностью учебных изданий Р. Ю. Виппера, особенно появившихся в XX в., является почти полное отсутствие выводов по главам и разделам. Это создает эффект дискретности истории, бессистемности происходящих в ее недрах процессов, непредсказуемости ее дальнейшего развития, что можно расценивать как приспособление ученого к принципам создания исторических сочинений, принятым в эмпириокритицизме.

Переломным в осмыслении многих своих воззрений Р. Ю. Виппер считал второе десятилетие XX в. Тогда он пересмотрел свое отношение к

«истории событий», преодолел категоричность в отношении исторических героев. Объясняя отказ от прежних своих однозначных суждений, Р. Ю. Виппер отмечал, что раньше он отдавал дань социальной истории, потому что не сомневался «в превосходстве внутренней истории над внешней» [52]. «Конституции, личности правителей, дипломатические переговоры, военные действия казались явлениями поверхностными, под которыми кроются «истинные», «реальные», глубинные внутренние процессы... Мы придавали мало значения личности, мы сводили факты к действию масс» [53]. Р. Ю. Виппер открыто признавался и в том, что идеи и теории интересовали его, как и иных его коллег, только как последствия комбинаций интересов, сплетений жизненных мотивов, которые не оказывали влияния на течение жизни.

Сам исследователь считал, что пересмотр его прежних взглядов произошел потому, что он стал свидетелем крупных войн, социальных катаклизмов, которые вывели мир из прежнего равновесия и покоя. «Теперь мы все видим, что уже существуем среди всеобщей войны» [54], поэтому независимо от личных научных интересов историков их внимание невольно оказывалось сфокусированным на войнах. «Мы теперь хотим прежде всего знать события, роль личности, сплетение идей» [55]. Интерес к личностям вождей, организаторов, идейных вдохновителей, командиров, правителей, ораторов, проповедников Р. Ю. Виппер также объяснял влиянием современной ему эпохи [56], которая породила смену «больших полос настроений», заставила идейно переориентироваться «умственные партии», вызвала к жизни новые направления в исторических исследованиях [57].

Возможности относительно легкой замены научных ориентиров, а также принципов и приемов организации научных штудий историков, безусловно, сказывались на престиже истории как науки, порождая сомнения в достоверности и непредвзятости ее выводов. Это хорошо осознавал и сам Р. Ю. Виппер. Уже в 1903 г. он попытался обосновать гибкость истории, подвижность ее выводов, субъективизм ее подходов и оценок. «Постоянно обновляемые точки зрения – вовсе не досадный придаток, – утверждал он, – вовсе не «зло» субъективизма. Они составляют живую, двигающую и организующую силу общественной науки» [58]. Новые исторические перспективы появляются в связи с запросами общества, которые пытаются найти в прошлом «фамильное

сходство», – аргументировал он неизбежность тенденциозных перестановок в направлениях исследований. Кроме того, научные открытия могут быть откорректированы сменой «общественных впечатлений», «настроений». Потребность следовать новым идеям в истолковании истории может возникнуть и в связи с саморазвитием исторической науки, в ходе обнаружения новых, не известных ранее «углов зрения», или «разрезов» [59].

Отвечая на вопрос, «приближаемся ли мы путем таких поворотов, наклонов и отклонений к истине» [60], Р. Ю. Виппер дает уклончивый ответ. С одной стороны, безусловно, да, потому что новый взгляд на историю, новые точки зрения постоянно открывают неведомые ранее картины жизни прошлого. С другой стороны, истина в истории не может быть неподвижной величиной: она всегда будет приспосабливаться к «умственному зрению» ученого, его научной добросовестности, но, кроме того, всегда будет находиться в зависимости от готовности общества принять или отклонить ее. «Если истина составляет возможно точное приспособление доступных данных к возможно развитому умственному зрению при возможно постоянной постановке вопросов, тогда мы идем постоянно к истине и постоянно ее достигаем... в меру чуткости и вдумчивости того общества, которое творит и вырабатывает для себя науку» [61]. Каждое новое поколение – продукт иной исторической эпохи – будет руководствоваться своими «общественными программами», будет выставлять «другую, своеобразную концепцию всей истории» [62], будет заново переписывать историю, считал Р. Ю. Виппер.

Это утверждение московского профессора оказалось пророческим. Кризисы обновления истории [63] продолжаются; мы вновь и вновь устремляемся к «объективной истине», задаем истории все новые вопросы в соответствии с современными научными ориентирами и по-прежнему, как В. И. Герье и Р. Ю. Виппер, полагаем, что научная добросовестность – это единственный путь преодоления субъективизма в восприятии и интерпретации исторических свидетельств [64].

Заслуга Виппера-ученого заключается, на наш взгляд, в том, что он одним из первых отечественных историков поставил проблему специфики исторического познания, которая в наши дни является в высшей степени «злободневной» [65]. Он пытался ответить на вопрос, как правильно

писать историю? Его, как и современных историков, волновала возможность осуществления задачи исторического синтеза: соединения истории структур и истории событий [66]. Он не побоялся заявить, что история – это конструкция ума ученого, процесс организации эмпирического материала, в который внесен смысл и в котором расставлены акценты только благодаря мыслительным способностям ученого, а также методологическим установкам представителей того научного сообщества, к которому историк причислял себя.

Примечания

1. См., к примеру: Володихин, Д. М. Критика теории прогресса в трудах Р. Ю. Виппера [Текст] // Вопросы истории. – 1999. – № 2. – С. 153–162; Голубцова, Е. С. Роберт Юрьевич Виппер (1859–1954) [Текст] // Портреты историков: Время и судьбы: в 2 т. – Т. 2. Всеобщая история / отв. ред. Г. Н. Севостьянов, Л. П. Маринович, Л. Т. Мильская. – М.; Иерусалим, 2000. – С. 7–15; Сафронов, Б. Г. Историческое мировоззрение Р. Ю. Виппера и его время [Текст]. – М., 1976.

2. Перфилова, Т. Б. Образ античной истории в "умственных разрезах" Р. Ю. Виппера [Текст] / Т. Б. Перфилова; под ред. М. В. Новикова. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2006. – 345 с.; Р. Ю. Виппер и историческое образование: вопросы дидактики [Текст] / М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова // Ярославский педагогический вестник. – 2007. – № 3. – С. 42–48; Р. Ю. Виппер и конструирование "образа" античной истории в учебной литературе [Текст] / М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова // Ярославский педагогический вестник. – 2007. – № 4. – С. 57–65; Р. Ю. Виппер и развитие теории исторического познания [Текст] / М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2007. – № 3. – С. 33–44; Теоретико-методологические взгляды Р. Ю. Виппера [Текст] / М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова // Ярославский педагогический вестник. – 2007. – № 2. – С. 77–82; Модернизация древней истории в творчестве Р. Ю. Виппера и В. П. Бузескула [Текст] / М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова // Ярославский педагогический вестник. – 2008. – № 2. – С. 96–100.

3. Философия и методология науки [Текст] / Под ред. В. И. Купцова. Ч. 1. – М., 1994. – С. 131–133.

4. Виппер, Р. Ю. Несколько замечаний о теории исторического познания [Текст] // Две интеллигенции и другие очерки: сб. статей и публичных лекций. 1900–1912. М., 1912. – С. 60.

5. Там же. – С. 57.

6. Виппер, Р. Ю. Школьное преподавание древней истории и новая историческая наука [Текст] // Вестник воспитания. Научно-популярный журнал для родителей и воспитателей, издаваемый наследниками Е. А. Покровского / под ред. Н. Ф. Михайлова. – М., 1898. – № 1. Январь. – С. 24, 25.

7. Виппер, Р. Ю. Несколько замечаний о теории исторического познания [Текст] // Две интеллигенции... – С. 59, 60.
8. Там же. – С. 59–61.
9. Там же. – С. 60, 61.
10. Там же. – С. 27.
11. Там же. – С. 28.
12. Там же. – С. 28.
13. Там же. – С. 32.
14. Там же. – С. 30.
15. Там же. – С. 33.
16. Там же. – С. 45.
17. Там же. – С. 46.
18. Там же. – С. 49.
19. Там же. – С. 49.
20. Там же. – С. 50.
21. Там же. – С. 51.
22. Там же. – С. 50.
23. Сафронов, Б. Г. Историческое мировоззрение Р. Ю. Виппера и его время [Текст]. – М., 1976. – С. 193.
24. Виппер, Р. Ю. Кризис исторической науки [Текст]. – Казань, 1921. – С. 13, 14.
25. Виппер, Р. Ю. Несколько замечаний о теории исторического познания [Текст] // Две интеллигенции... – С. 41, 42.
26. Там же. – С. 42.
27. Там же. – С. 55.
28. Там же. – С. 54.
29. Там же. – С. 55.
30. Виппер, Р. Ю. Очерки теории исторического познания [Текст]. – М., 1911. – С. 258, 259.
31. Там же. – С. 129, 130.
32. Там же. – М., 1911. – С. 130.
33. Там же. – С. 131.
34. Виппер, Р. Ю. Новые направления в философии общественной науки [Текст] // Две интеллигенции... – С. 142, 145.
35. Виппер, Р. Ю. Очерки истории Римской империи [Текст]. – Берлин, 1923. – С. 336.
36. Там же. – С. 139.
37. Там же. – С. 166.
38. Там же. – С. 139.
39. Там же. – С. 155, 156.
40. Там же. – С. 146–152.
41. Там же. – С. 163.
42. Виппер, Р. Ю. Очерки теории исторического познания [Текст]. – С. 160.
43. Там же. – С. 168, 169.
44. Там же. – С. 166.
45. Виппер, Р. Ю. Реакционный идеализм и новая наука [Текст] // Две интеллигенции... – С. 267.
46. Там же. – С. 268.
47. Виппер, Р. Ю. Очерки теории истории познания [Текст]. – С. 163.
48. Володихин, Д. М. Критика теории прогресса в трудах Р. Ю. Виппера [Текст] // Вопросы истории. – 1999. – № 2. – С. 158.
49. Виппер, Р. Ю. Очерки теории истории познания [Текст]. – С. 220.
50. Виппер, Р. Ю. Реакционный идеализм и новая наука [Текст] // Две интеллигенции... – С. 278. Это положение близко мнению Л. Ранке о том, что история должна описывать прошлое, а не объяснять его. Следовательно, позитивизм и эмпириокритицизм имели сближающие их постулаты. На это обращает внимание и сам Р. Ю. Виппер. См. указ. соч.
51. Виппер, Р. Ю. Очерки теории исторического познания [Текст]. – С. 173.
52. Виппер, Р. Ю. Кризис исторической науки [Текст]. – С. 4.
53. Там же.
54. Там же. – С. 7.
55. Там же. – С. 13.
56. Там же. – С. 10.
57. Там же. – С. 13.
58. Виппер, Р. Ю. Новые направления в философии общественной науки [Текст] // Две интеллигенции... – С. 142.
59. Там же. – С. 142–145.
60. Там же. – С. 144.
61. Там же. – С. 144, 145.
62. Виппер, Р. Ю. Либерализм и первая историческая формула борьбы классов [Текст] // Две интеллигенции... – С. 63.
63. Гуревич, А. Я. Культура Средневековья и история конца XX века [Текст] // История мировой культуры. Наследие Запада / отв. ред. С. Д. Серебряный. – М., 1995. – С. 223, 245, 273.
64. Там же. – С. 259.
65. Там же. – С. 223.
66. Там же. – С. 273.